

Алексей Шейко

река их встреч..

Алексей Шейко

Река их встреч

<https://litres.ru/74506482>

SelfPub; 2026

Аннотация

Петербургская ночь, полумрак дорогого бара и десятое за год неудачное свидание. Успешная владелица сети салонов красоты Неля прячет старые шрамы — как физические, так и душевные — за безупречным жакетом и бокалом martinis, ожидая от тишины ответа на вопрос «Что дальше?». Случайный разговор с незнакомцем переворачивает её картину мира: вместо жалости или осуждения она слышит слово «привилегия», а простая история о бумажном кораблике заставляет впервые за много лет снять броню. Это глубокая городская драма о том, как трудно поверить в искренность после предательства, и о тихом мужестве позволить себе надежду.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Река их встреч

Глава

Бар тонул в полумраке — лишь узкие лучи янтарного света выхватывали из темноты полированное дерево стойки и тусклый блеск бокалов. Где-то в углу тихо шептал джаз, будто извиняясь за свою неуместную бодрость.

Ухоженная женщина средних лет сидела на стуле так прямо, что поза казалась почти вызовом тишине вокруг. Аккуратная укладка не дрогнула ни на прядь, строгий жакет сидел безупречно, но в этом совершенстве сквозила какая-то горькая нарочитость — будто она надела не одежду, а броню. Перед ней, один за другим, появлялись и пустели бокалы martini; она опрокидывала содержимое бокала с той же спокойной решимостью, с какой подписывают важные документы.

Столик у окна она выбрала сама, хотя администратор предлагал в глубине зала, где мягче свет и не видно, как с Невского сворачивают припозднившиеся такси. Неля предпочитала видеть. Из окна открывался неширокий кусок улицы, мокрый асфальт держал на себе двойника фонаря, и всякий раз, когда мимо проезжала машина, отражение дробилось и собиралось заново, как будто кто-то перемешивал коллду и снова выкладывал ту же карту.

Она не смотрела по сторонам — ни на бармена, который время от времени бросал на неё осторожные взгляды, ни на редких посетителей, чьи голоса звучали где-то на периферии. Её взгляд был прикован к прозрачному стеклу, к танцующим в нём бликам, к тонкому слою жидкости на дне. Казалось, она ищет там не вкус, не опьянение — а ответ. Такой, который не найти в разговорах, письмах или чужих советах. Ответ, упрятанный между слоями холода и горечи, спрятанный на самом дне, где свет ломается и рассыпается на осколки.

Каждый глоток был похож на шаг в тёмную комнату: она делала его без страха, но и без надежды — скорее по привычке, словно проверяя, осталось ли там хоть что-то, что способно её удивить. А бар всё так же тихо гудел вокруг, будто знал, что сегодня эта женщина пришла не за разговором и не за компанией. Она пришла спросить у тишины и стекла: «Что дальше?» — и ждала, что дно бутылки наконец-то ей ответит.

Десятое свидание за год. Она поймала себя на этой цифре и попробовала посмотреть на неё так, как смотрела на отчётность: без обиды, без оправданий, просто как на ряд в таблице. Один случай — это случай. Два — это совпадение. Десять — это уже не невезение, это статистика, а статистика, в отличие от мужчин, никогда не пишет в последний момент, что навалилось. Статистика приходит вовремя, садится напротив и спокойно сообщает, что переменная, повторяющая-

ся во всех десяти строках, ровно одна, и эта переменная сидит сейчас за пустым столом, держит бокал двумя пальцами и делает вид, что исследует оливку.

Можно было бы, конечно, списать на возраст, на город, на то, что тридцативосьмилетняя женщина с собственным делом пугает мужчин сильнее, чем налоговая. Она сама говорила это подругам с той лёгкой усмешкой, которая освобождает от необходимости продолжать разговор. Но бокал был холодный, а зал почти пустой, и в такой обстановке аргументы имели свойство отслаиваться, как некачественное покрытие.

Официант подошёл справа, беззвучно, и она поняла, зачем он идёт, за полторы секунды до того, как он оказался у стола. Он смотрел на белое поле скатерти напротив неё, где стояли нож, вилка, сложенная салфетка и высокий бокал под воду, и в его лице была та специальная нейтральность, которую Неля знала до последней складки, потому что сама ставила её своим администраторам. Убирать чашку за клиенткой, которая только что плакала в зеркало, нужно вот так: не сочувствуя, не отворачиваясь, просто убирая чашку.

— Прибор оставить? — спросил он, и Неля оценила формулировку. Не «вы ещё ждёте». Не «ваш гость задерживается». Вопрос о посуде, за который можно спрятаться обоим.

— Нет, — сказала она. — Я одна.

Слова вышли из неё ровно и негромко, и она услышала,

как они встают в воздухе шире, чем предполагалось. Она хотела сказать про ужин. Про стол, рассчитанный на двоих, про то, что второй прибор сегодня не понадобится. А сказала, кажется, про всю квартиру с видом на воду, про кофемолку, в которой она молола по утрам кофе на одну порцию, про сторону кровати, куда складывала книги, потому что складывать туда было больше нечего.

Он снял приборы один за другим, аккуратно уложил их на подносе, чтобы не звякнуло, забрал салфетку. Бокал взял последним.

За соседний столик сел мужчина. Она заметила его так, как замечают смену кадра боковым зрением: серый свитер простой вязки, ничем не примечательный, из тех, что покупают не для впечатления, а для тепла, короткая светло-русая стрижка, спокойные руки. Он взял меню и стал читать его внимательно, с начала, как читают расписание поездов, хотя в баре в одиннадцатом часу выбор сводился к двум-трьём разумным вариантам.

— А чай у вас какой? — спросил он бармена, и голос оказался негромкий, без той натужной бодрости, с какой мужчины обычно заговаривают в барах.

— Чёрный, зелёный, травяной.

— Тогда чёрный. И, если можно, не в пакетике.

— Посмотрю, что есть.

— Посмотрите, — согласился он, и в этом согласии не было ни требования, ни заискивания.

Неля перевела взгляд обратно в бокал. Чай в баре после десяти вечера — это либо человек за рулём, либо человек, которому некуда торопиться и не с кем пить. Классификация заняла полторы секунды и была тут же убрана в ящик, где хранились все её быстрые выводы о посторонних, папка с пометкой «не имеет отношения к делу». Она забыла о нём прежде, чем оливка в её бокале успела повернуться вокруг своей оси.

— Употребление такого количества алкоголя в одиночку — признак алкоголизма или больших проблем... какой вариант верен? — раздался негромкий голос от соседнего столика.

Неля медленно повернула голову, и её ледяные голубые глаза, чуть подёрнутые хмельной дымкой, сфокусировались на собеседнике. Она не ответила сразу. Вместо этого она аккуратно поправила выбившуюся прядь светлых волос, которую удерживала тугая резинка на уровне лопаток, и выпрямила спину. Даже сейчас, в состоянии лёгкого опьянения, её осанка оставалась безупречной, а полуделовой костюм сидел так, словно его только что отпарили.

Она посмотрела на полупустой бокал, затем на свои длинные, тонкие пальцы, сжимающие тонкую ножку стекла.

— Алкоголизм — это когда не можешь остановиться, потому что тело требует, — её голос прозвучал низко и на удивление чётко, несмотря на выпитое. — А «большие проблемы» — это слишком растяжимое понятие. У кого-то это дол-

ги, у кого-то — болезнь. У меня же...

Она сделала паузу и горько усмехнулась.

— У меня просто сегодня очередной юбилей. Десятое свидание за год, которое закончилось, не успев начаться. Мой кавалер, видимо, решил, что пунктуальность — это слишком скучно. Или просто испугался.

Неля слегка повела плечом, и ткань жакета чуть сдвинулась, на мгновение открыв край старого шрама под ключицей. Она тут же инстинктивно поправила воротник, закрываясь. Этот жест выдал её уязвимость, которую она так тщательно прятала за маской успешной владелицы бизнеса.

— Знаете, я руковожу сетью салонов. Я знаю всё о том, как сделать женщину идеальной снаружи, — она снова посмотрела на него, и в глубине её «арктических» глаз мелькнуло что-то похожее на отчаяние. — Но, кажется, я совершенно не понимаю, как сделать так, чтобы кто-то захотел узнать, что у этой женщины внутри. Без страха, без желания просто «переночевать» или попыток самоутвердиться за мой счёт.

Она жестом подозвала бармена, чтобы тот обновил лёд, но передумала и просто отодвинула бокал.

— Ресторан закрывается через двадцать минут. Ирония судьбы: я живу в пятнадцати минутах отсюда, в большой квартире с видом на набережную, где так тихо, что слышно, как падает пыль. И мне чертовски не хочется туда возвращаться прямо сейчас.

Она внимательно посмотрела на него, словно оценивая, стоит ли продолжать этот разговор или он — очередной прохожий в её чередѣ неудач.

— А вы как считаете? Одинокaя женщина с мартини в полночь — это диагноз или крик о помощи, который никто не хочет слышать?

— Давайте заменим слово «диагноз» на «привилегия». Привилегия иметь время, деньги на хороший джин и право никуда не спешить. Мартини в полночь — это легализованный саботаж чужих ожиданий, — ответил Алексей ровно, без тени снисхождения.

Нелѣ замерла, и её рука, уже было потянувшаяся к сумочке, медленно опустилась обратно на стойку. Она смотрела на него несколько секунд, и в её глазах мелькнуло что-то — может быть, удивление, может быть, лёгкое раздражение от того, что её драму так ловко переиначили.

Но затем её губы дрогнули. Сначала едва заметно, а потом она позволила себе короткий, почти беззвучный смешок — искренний, не наигранный.

— Привилегия, — повторила она, смакуя это слово, словно пробовала его на вкус. Её голубые глаза чуть прищурились, и в них появился интерес, которого не было ещё мину-ту назад. — Чёрт возьми, а вы умеете переворачивать картинку. Мне нравится.

Она повернулась на стуле, теперь уже всем корпусом к нему, и поправила резинку на волосах — привычный жест,

когда она чувствовала себя чуть менее защищённой. Ткань её жакета мягко натянулась на груди, подчёркивая силуэт.

— Знаете, я привыкла, что меня жалеют. Или, наоборот, осуждают. Мужчины смотрят на мои часы, на мою машину, на мои туфли — и либо пугаются, либо начинают охоту на кошелёк, — она говорила спокойно, без горечи, скорее с усталой усмешкой. — Но чтобы кто-то назвал моё одиночество с бутылкой «привилегией»... Вы первый.

Она подняла бокал, но не сделала глотка. Просто покрутила его в пальцах, глядя, как играет свет в янтарной жидкости.

— А ведь в этом что-то есть. Я не должна никому отчитываться. Никому не должна. Я могу купить билет в любой конец света завтра утром, и никто не спросит, когда я вернусь, — её голос дрогнул на последней фразе, и она поспешила отпить глоток, чтобы скрыть эту внезапную трещину в своей броне. — Только вот почему-то от этой свободы так тоскливо, что хочется выть на луну.

Она поставила бокал на стол и внимательно посмотрела на него — изучающе, но без обычной настороженности. В её взгляде читалось любопытство, смешанное с лёгким вызовом.

— Вы всегда так ловко переворачиваете чужие драмы с ног на голову? Или это врождённый талант, отшлифованный годами практики? — в её голосе прозвучала лёгкая, почти кокетливая нотка, хотя она сама, кажется, этого не заметила.

— Потому что мне, знаете ли, уже порядком надоело быть главной героиней собственной трагедии. Может, попробуем другой жанр?

— Комедию? — предложил Алексей.

Неля услышала его ответ и на мгновение замерла, словно примеряя слово «комедия» на себя, как неудобное платье. Её пальцы, всё ещё сжимающие ножку бокала, чуть расслабились, и она наклонила голову, позволяя выбившейся пряди упасть на щеку. В её голубых глазах мелькнула тень самоиронии.

— Комедия? — переспросила она, и в её голосе послышалась едва уловимая хрипотца. — Боюсь, из меня выйдет плохая лицедейка. Я слишком привыкла играть драму в одного актёра. Да и зритель, как видите, не спешит занимать места в партере.

Она усмехнулась — коротко, почти беззвучно, но в этой усмешке не было горечи. Скорее усталое признание собственной неспособности относиться к жизни легче.

— Знаете, я пробовала быть весёлой. Пыталась шутить на свиданиях, рассказывать забавные истории из жизни салонов, — она провела пальцем по ободку бокала, не поднимая глаз. — Но каждый раз, когда я вижу, как собеседник расслабляется и начинает улыбаться, я ловлю себя на мысли: «А что, если он смеётся не со мной, а надо мной?» И это мгновенно гасит любой огонёк.

Она подняла взгляд и посмотрела на него прямо — испы-

тующе, словно решая, стоит ли продолжать этот разговор. В полумраке угасающего ресторана её глаза казались почти прозрачными, как у человека, который слишком долго носил маску и теперь забыл, как выглядит его настоящее лицо.

— Но, может быть, комедия — это не про умение смеяться. Может быть, это про умение не воспринимать всерьёз то, что всё равно не изменить? — она слегка прикусила нижнюю губу, задумавшись. — Я никогда не умела отпускать. Привыкла контролировать всё: бизнес, расписание, своё тело, свои эмоции. А когда что-то выходит из-под контроля — я просто... застываю. Или убегаю. Или пью martini в пустом ресторане.

Неля сделала паузу, и в тишине было слышно, как бармен в дальнем конце стойки переставляет бокалы, поглядывая на часы. Ресторан действительно почти опустел.

— Но сегодня вечером, — она чуть подалась вперёд, опираясь локтем о стойку, — я, кажется, впервые за долгое время не чувствую желания сбежать. И это пугает меня почти так же сильно, как перспектива идти домой в пустую квартиру.

Она говорила тихо, почти интимно, словно делилась секретом, который сама только что осознала. Её пальцы на мгновение коснулись его запястья — случайно или намеренно, она и сама не поняла, — и она тут же отдернула руку, поправив несуществующую складку на жакете.

— Вы не обязаны оставаться. Ресторан закрывается, и я

понимаю, что у вас могут быть свои планы, — она говорила это, но в её голосе звучала едва заметная мольба, противоречащая словам. — Но если вы предложите мне прогуляться до набережной — там всего пятнадцать минут ходьбы, — я, пожалуй, соглашусь. Хотя бы ради того, чтобы оттянуть момент, когда придётся включить свет в пустой прихожей.

— Ваша прихожая не такая уж и пустая — там же живут тапочки, которые соскучились, — сказал Алексей.

Неля застыла на мгновение, и в её глазах мелькнуло что-то тёплое, почти детское — удивление, смешанное с неверием, что кто-то может так легко и просто разбить её мрачную броню. Её губы дрогнули, и она позволила себе улыбнуться — по-настоящему, без привычного налёта горечи и самоиронии. Эта улыбка осветила её лицо, делая её моложе, мягче, уязвимее.

— Тапочки... — повторила она, смакуя это слово, словно пробовала его на вкус. — Боже, я даже не подумала о них. Бедные мои тапочки, наверное, уже сбились с ног, ожидая меня. А я тут сижу, утопаю в самосожалении, а они, может быть, уже собрали экстренное совещание плюшевых жильцов моей прихожей.

Она рассмеялась — коротко, чуть смущённо, прикрыв рот ладонью. В этом смехе было что-то девичье, несмотря на её возраст и статус. Словно на мгновение сорвалась маска успешной бизнес-леди, и показалась та самая девочка, которая когда-то играла на заброшенной стройке, не зная, что

жизнь приготовила ей жестокий урок.

— Знаете, — она чуть наклонила голову, рассматривая его с новым интересом, — вы первый человек за вечер, который заставил меня улыбнуться не через силу. И это при том, что я собиралась уйти отсюда через пять минут, гордо неся свою обиду на весь мир.

Она легко коснулась пальцами края стола, словно принимая решение, и затем поднялась со стула. Движение было плавным, женственным — она поправила жакет, одёрнула юбку, и даже в этом простом действии чувствовалась привычка следить за каждым своим жестом.

— Что ж, тапочки подождут ещё немного, — сказала она, беря сумочку и поворачиваясь к нему вполоборота. — Я принимаю ваше предложение. Но с одним условием: мы идём не спеша. Потому что, если я попытаюсь ускориться на этих каблуках после бутылки мартини, моя прогулка закончится либо в реке, либо в гипсе.

Она сделала шаг к выходу, но остановилась и обернулась. В её взгляде появилась та самая смесь вызова и надежды, которую она так долго прятала за маской уверенной женщины.

— И, пожалуйста, не дайте мне передумать. Я слишком хорошо умею убегать в последний момент.

— Ну... в таком состоянии... да на каблуках... — неловко протянул Алексей, бросив взгляд на её шпильки.

Неля замерла на полушаге, услышав его реплику, и медленно перевела взгляд на свои туфли. Дорогие, безупречные

лодочки на тонкой шпильке, которые она выбрала сегодня утром с особой тщательностью — чтобы произвести впечатление на того, кто так и не пришёл. Ирония судьбы, горькая и солёная, как оливка на дне её бокала.

Она подняла голову, и в её глазах мелькнула смесь кокетства и вызова.

— Боитесь, что придётся тащить меня на себе? — её голос прозвучал чуть хриловато, с оттенком игривости, которую она сама, кажется, не планировала. — Или, что ещё хуже, ловить меня, когда я решу проверить, насколько глубоок канал в этом месте?

Она сделала шаг вперёд, слегка покачивая бёдрами, и намеренно чуть запнулась о ножку барного стула, чтобы тут же поймать равновесие, опершись пальцами о стойку. Маленькое театральное представление, чтобы доказать — она ещё держится. Но в этом движении сквозила неприкрытая уязвимость.

— Не волнуйтесь, — добавила она уже серьёзнее, поправляя сумочку на плече. — Я не настолько пьяна. Просто... чуть более расслаблена, чем обычно. И, возможно, чуть менее защищена. Но координация пока при мне. Честь владелицы салонов красоты не позволяет мне позориться перед клиентами даже в нерабочее время.

Она вышла вперёд, к выходу из ресторана, и на пороге остановилась, обернувшись. Ночной ветер с набережной ворвался в приоткрытую дверь, играя с выбившимися прядя-

ми её волос и заставляя её поёжиться. Она обхватила себя руками, и в этом жесте читалась не столько защита от холода, сколько привычка закрываться от мира.

— Знаете, — сказала она тихо, глядя куда-то в сторону тёмной воды, блестящей под редкими фонарями, — я ведь уже почти привыкла к тому, что вечера заканчиваются вот так. Одна, на пороге пустоты. Но сегодня... сегодня я поймала себя на мысли, что мне страшно не оттого, что я одна. А оттого, что мне вдруг захотелось, чтобы это было не так.

Она перевела взгляд на него, и в свете уличного фонаря её глаза блеснули — то ли от влаги, то ли от отражения далёких звёзд.

— Вы идёте? Или мне придётся уговаривать вас всю дорогу до набережной? — в её голосе прозвучала та самая смесь надежды и страха быть отвергнутой, которая определяла все её последние годы.

— Пошли... предупреждаю, в воду за вами не полезу... она холодная, — сказал Алексей.

Неля услышала его слова, и на её губах заиграла лёгкая, почти робкая улыбка — та, что появляется, когда кто-то неожиданно подхватывает твою игру и отвечает той же монетой, но с толикой тепла.

— Договорились, — ответила она, выходя на улицу и придерживая дверь, чтобы он мог последовать за ней. — Я постараюсь держаться подальше от воды. Хотя, признаться, в такую ночь там, наверное, очень красиво. Тишина, огни, от-

ражения...

Она сделала несколько шагов по тротуару, и её каблук звонко цокали по плитке, разбивая ночную тишину. Неля шла медленно, осторожно, но старалась сохранять достоинство — плечи расправлены, подбородок чуть приподнят. Однако через несколько шагов она сбавила темп и, покосившись на него, чуть заметно улыбнулась.

— Знаете, я сейчас поймала себя на мысли, что не хочу, чтобы этот вечер заканчивался, — сказала она тихо, почти доверительно. — Это странно. Я ведь обычно мечтаю только об одном — поскорее добраться до дома, снять туфли, выключить телефон и забыться. А сегодня... сегодня я боюсь, что если я переступлю порог своей квартиры, то это ощущение — лёгкости, что ли, — исчезнет. И завтра я снова проснусь той же самой Нелей, которая никому не нужна, кроме своих тапочек и бармена в ресторане.

Она замолчала, словно испугавшись собственной откровенности, и ускорила шаг, глядя прямо перед собой. Ветер с реки трепал её волосы, и она машинально поправила резинку, собирая выбившиеся пряди.

— Простите, — добавила она через минуту, смущённо улыбнувшись. — Я не должна вас грузить своими рефлексиями. Вы просто предложили проводить меня, а не выслушивать исповедь одинокой женщины. Давайте лучше поговорим о чём-нибудь нейтральном. О погоде. О политике. О том, почему мартини в этом ресторане разбавляют, хотя бе-

рут за него как за коллекционное вино.

Она остановилась у парапета набережной, опершись на него локтями, и посмотрела на тёмную воду, в которой дрожали отражения городских огней. Её профиль чётко вырисовывался на фоне ночного неба — тонкие черты, чуть припухшие губы, длинная шея. Она выглядела уставшей, но в то же время какой-то... живой. Настоящей.

— А знаете, — сказала она вдруг, не оборачиваясь, — я ведь уже и не помню, когда в последний раз вот так стояла у воды с кем-то. Просто стояла, молчала, смотрела. Без спешки, без планов, без мысли «а что дальше». И это... это приятно.

Она повернула голову и посмотрела на него через плечо. В свете фонарей её глаза блестели — то ли от ветра, то ли от чего-то другого.

— Спасибо, что не дали мне уйти домой с мыслью, что весь мир состоит из пустых обещаний и разочарований. Даже если завтра я снова стану той самой «одинокой бизнес-леди», сегодня вечером я чувствую себя просто... женщиной. Которую кто-то проводил до дома. И это чертовски приятно.

— Тогда давай договоримся: женщина, которую проводили до дома, первым делом надевает тёплые носки, а не проверяет рабочую почту, — сказал Алексей.

Неля открыла рот, чтобы что-то ответить, но осеклась. Она моргнула, глядя на него, и вдруг отвернулась к воде, пряча лицо. Её плечи чуть дрогнули.

Она сглотнула, стиснув пальцы на холодном парапете. Горло сжало чем-то непривычным, горячим — не от мартини. От простоты. От обыкновенности сказанного. Как будто кто-то заглянул в её жизнь и увидел не бизнес-леди, не владельца сети салонов, не женщину со шрамом и бронёй — а просто человека, которому холодно ногам.

— Вы... — она начала, голос сел, и она прочистила горло. — Вы вообще понимаете, что сейчас сказали мне самую страшную вещь за вечер?

Она обернулась. Глаза блестели, ресницы мокрые. Не плакала — но на грани.

— Потому что я приду домой и действительно открою почту. Как всегда. Проверю отчёты, ответы от поставщиков, жалобы. И вот сейчас я сижу и думаю — а ведь он прав. Носки. Просто надеть носки и заварить чай. Когда я в последний раз это делала?

Она тихо рассмеялась, вытирая уголок глаза подушечкой большого пальца.

— Ладно. Договорились. Носки — первое. Почта — не раньше утра, — она протянула мизинец в его сторону, и в этом жесте было столько детской непосредственности, что она сама смутилась. — Скрепим?

Они стояли на набережной, ночной ветер трепал её волосы, и где-то далеко проплыл буксир, гудя низким басом. Неля ждала, чуть прикусив нижнюю губу.

— Договорились. Носки — святое. А почту оставим до

утра. Пусть ночь побудет просто ночью, без писем и срочных дел, — ответил Алексей и обхватил её мизинец своим.

Неля смотрела на их сцепленные пальцы. Секунду помедлила — и сжала. Тонкий, прохладный палец с аккуратным маникюром. Лёгкое пожатие.

— Ночь без писем, — повторила она тихо, словно закрепляя. — Без срочных дел. Когда я в последний раз...

Она не договорила. Отпустила его руку и спрятала обе ладони в карманы жакета, опустив голову. Шла рядом, чуть покачиваясь на каблуках — не от алкоголя, а от усталости и непривычной лёгкости в груди.

«Он не обещает ничего. Не пытается понравиться. Не смотрит на мои часы. Просто говорит про носки.»

Несколько минут они шли молча. Набережная была пустой, фонари бросали на плитку жёлтые круги, и шаги звучали в унисон — её каблуки и его. Где-то за деревьями мигал рекламный щит, и вода пахла сыростью и водорослями.

— Алексей, — произнесла она вдруг его имя, словно пробуя. — Странно. Я обычно знаю о человеке всё к этому моменту разговора. Чем занимается, сколько зарабатывает, какие цели. А о вас я не знаю ничего. И мне... нравится не знать.

Она подняла голову и посмотрела на него. Лицо чуть порозовело от ветра и хмеля, глаза прозрачные, без привычной настороженности.

— Расскажите что-нибудь? Что угодно. Только не о рабо-

те.

Алексей помолчал, словно перебирая в голове что-то, а потом начал — негромко, ровным голосом, каким рассказывают истории, в которые сами не вполне верят, но хотят, чтобы поверил слушатель:

«Они познакомились на берегу — в тот день река будто нарочно разыгралась: пенистые волны накатывали на песок, а ветер срывал с ив лёгкие зелёные листья и кружил их над водой. Он стоял у самой кромки, щурясь от солнца, и пытался удержать в руках старый бумажный кораблик — тот никак не хотел отправляться в плавание, то и дело заваливаясь на бок. Она подошла сзади, тихо рассмеялась и протянула руку: — Дай сюда. У меня получится.

Он отдал кораблик, и в этот миг ему показалось, что река на секунду замерла — будто тоже ждала, что будет дальше. Она ловко поправила складки бумаги, шепнула: «Ну, плыви», — и пустила его по волне. Кораблик закачался, поймал течение и поплыл, становясь всё меньше, пока не превратился в крошечную точку среди бликов.

С тех пор они стали приходить сюда каждый вечер. Река менялась каждый день: то тихая, зеркальная, будто застывшая в ожидании; то бурная, с пеной и грохотом, словно хотела что-то рассказать. Но неизменно было одно: они садились на большой плоский камень, который вода отполировала до шелковистого блеска, и говорили обо всём на свете — о детстве, о мечтах, о том, как странно, что два человека могут

так легко понимать друг друга.

Однажды он принёс с собой маленькую медную подвеску в форме капли.

— Говорят, река запоминает всё, — сказал он, протягивая ей украшение. — Пусть эта капля будет нашей. Чтобы, даже если мы не сможем прийти, река знала: мы были здесь. Вместе.

Она улыбнулась, надела подвеску на тонкую цепочку и кивнула. И в тот вечер река была особенно спокойной — её поверхность лежала ровно, как шёлковая лента, и отражала закатное небо в розовых и золотых тонах.

И когда однажды он опустился на одно колено прямо на мокром песке, а она, не веря своим глазам, прижала руки к груди, река вдруг будто улыбнулась — волна ласково коснулась их ног, словно благословляя.

— Ты согласна? — спросил он, и голос его дрожал от волнения.

— Да, — прошептала она, глядя не на него, а на воду, в которой отражалось их счастье. — Да, да...

И река понесла этот ответ дальше, к морю, чтобы рассказать его ветру, птицам и всем, кто когда-нибудь придёт на её берег и захочет поверить в чудо.»

Неля остановилась. Просто встала посреди набережной, словно налетела на невидимую стену. Ветер трепал волосы, а она смотрела на тёмную воду реки и молчала.

«Река. Кораблик. Камень. Он рассказал мне сказку. Или

нет. Или это было.»

Она медленно сглотнула. Горло стянуло. История была простая, даже наивная — и именно поэтому от неё так за-
ныло под рёбрами. Неля подумала о своих тридцати восьми
годах, о салонах, отчётах, пустой квартире с тапочками. О
том, что никто и никогда не опускался для неё на колени на
мокром песке. Что никто не дарил ей медную каплю. Что её
река — вот эта, прямо перед ней — никогда ничего не запо-
минала, потому что ей было нечего помнить.

— Это вы выдумали? — спросила она тихо, не оборачи-
ваясь. Голос чуть дрожал. — Или это было?

Она стояла, обхватив себя руками, и ветер с реки заби-
рался под жакет, заставляя её ёжиться. Шрам под ключицей
ныл — не физически, а как-то иначе, как ноет старая рана,
когда вспомнишь момент, когда её получил.

*«Если выдумал — зачем? Если было — зачем рассказы-
вать мне?»*

Неля повернулась к нему. Глаза блестели, губы чуть при-
открыты. Она выглядела так, словно не знала, что делать с
этим ощущением внутри — тёплым, тяжёлым, пугающим.

Они дошли молча. Неля шла рядом, засунув руки в кар-
маны, и изредка поглядывала на воду — будто искала в ней
ту самую реку из его истории.

Подъезд оказался массивным, старой постройки — мас-
сивная дверь с медной ручкой, потемневшей от времени.
Неля остановилась у ступеней и повернулась.

— Вот. Я дома, — сказала она просто, без театральности.
Подняла взгляд. — Спасибо за прогулку. И за... реку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.